

* * *

Вот двадцать правд, что за одним столом,
и каждой правде по бокалу твиши,
и звезды медленно спускаются по крыше,
и проторенным мир скользит путем.

Такая ночь, что хочется рыдать,
спускать собак, лежать, как в колыбели,
в густой траве, в зеленой акварели.

Качай меня, тифлисская кровать,
рассказывай про танки и войну,
про лето, про цветение граната,
про то, как брат ходил калечить брата.

Рассказывай. И я не обману!

Мне тоже есть что рассказать в ночи,
про наши степи, что вставали дыбом,
про то, как небо застилалось дымом,
про то, как пули злы и горячи.

Про то, что страх со мною навсегда,
мое увечье, язва в подреберье,
про то, как птицы сбрасывали перья,
про то, как окружали города.

Про то, как плакал сын, стонала мать,
про то, как выли бабы и сирены,
про то, что вместо зданий только стены,
мне тоже есть тебе что рассказать.

Мне тоже есть чем удивить тебя,
вторая правда горше правды первой:
гуманитарная стерильная консерва
порой не хуже, чем грузинская еда.

На Сухом мосту,
словно на посту,
мы стояли, смотрели на город.
Я с тобой расту,
но не по возрасту.
И поэтому ты мне дорог.
Погляди, как дед
на насущный хлеб
продает последние вещи.
Ему сотня лет,
он полвека сед,
все лицо из трещин.
Я хочу как он,
чтоб со всех сторон –
Сакартвело.
Он стоит с трудом,
у него сто жен,
и у каждой белое тело.
Дед за десять лар
то ли птицу-жар,
то ли старую радиолу,
– продает товар.
И звенит базар
мельхиором.
Подойди, купи
из его руки
мне немного музык.
На краю реки
много их таких
сыновей Союза.
И течет Кура
вся из серебра
да играют гимны.
И стоит жара,
и земля кругла,
только нам не видно.
На Сухом мосту,
словно на посту,
мы стояли, смотрели на город.
Я с тобой расту,
но не по возрасту.
И поэтому ты мне дорог.

Мы долго говорили про Цхинвали,
в тарелках стыли сытные хинкали,
а заключенное в сырой земле вино
еще играло, не набравши силы.
Луна лакала над жилым массивом
из чаши неба кровь и молоко,
а ты, мой брат, грузинский брат Нико,
сидел по левую и был косноязычен.
И был еще один породы бычьей
с огромным рогом, полным до краев.
Он пил вино за здоровье врагов,
и тело его было монолитно,
и ночь вокруг была кровопролитной,
но не такой, как десять лет назад.
Вот жизнь, что происходит по спирали,
мы говорим про новое Цхинвали,
про новую кровавую луну,
которая своим бессонным оком
заглядывает в темноту окопа
и в море гонит черную волну.

Мой маленький растерянный Нико,
мы от Москвы беспечно далеко,
и тонких гор ажурная гряда
нам заменяет наши города.
И плавный ход задумчивой Куры,
и эти итальянские дворы,
где без стеснения сушится белье
и на своем чирикает бабье.
Где Лела нам выносит алычу
и говорит, мол, я вас обручу
и тифлисским небом, что над Шардени
играет радугой, сложенной из семи
цветов, которыми всевидящий Звиад
напишет нас, смотрящихся в закат,
как будто в амальгаму вод Куры,
как будто в дерево, лишенное коры,
как будто в обручальное кольцо –
твое-мое грузинское лицо.